http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-1-37-45

Василий Щипков

Номиналистские предпосылки секуляризма и его актуальное значение в России и на Западе

I

А.И. Солженицын, описывая несправедливости и страдания в советской России, периодически сам задавал себе вопрос о том, почему они произошли, откуда берется то зло, которое проникает в человеческую историю. В «Архипелаге ГУЛАГ» он уже четко обозначал свою позицию, говоря, что источник зла находится внутри человека, а не во внешних обстоятельствах. Таким образом, как писатель и мыслитель он ставил себя в религиозную, христианскую парадигму. Во второй половине жизни Солженицын окончательно сформулировал свое отношение к причинам исторических трагедий, они суть результат нравственного кризиса общества, которое происходит, когда люди отказываются от Бога: «Люди забыли Бога, оттого и все» [1, с. 447].

Эту итоговую формулу Солженицын озвучил в докладе о секуляризме, который прочитал во время вручения ему Темплтоновской премии (Гилдхолл, Лондон, 10 мая 1983 года) за «особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире». «Если бы от меня потребовали назвать кратко главную черту всего XX века, то и тут я не найду ничего точнее и содержательнее, чем: «Люди – забыли – Бога» [1, с. 447]. Именно в этом Солженицын видел причину бед и опасностей XX века – и революции 1917 года [2, с. 165–174], и мировых войн, и блокового противостояния, и появления оружия массового уничтожения, и начавшегося кризиса западной культуры. Солженицын при этом подчеркивал, что угроза разрушения и деградации одинакова для всех стран и частей света, а Запад сталкивается с теми же культурными проблемами, что и Советский Союз. На Западе в XX веке, по его мысли, шла та же борьба с верой, что и в СССР, но в иных формах: там происходила релятивизация добра и зла, вводилась мода на атеизм и глумление над христианскими образами в произведениях искусства, в молодежной среде разрушались нравственные идеалы. Единственное различие, по мнению Солженицына, в том, что на Западе секуляризм – явление внутреннее, а в СССР – внешнее. При этом на Западе, где не было открытого насилия против религии, подобного СССР, последствия атеизма могут быть намного опаснее: «И само собой, еще с позднего Средневековья, Запад все более затопляла волна секуляризма, а эта угроза вере – не от внешнего выжигания ее, а от внутреннего червоточенья силы – как бы не еще опасней» [1, с. 452].

Именно в секуляризме, ведущем к атеизму, писатель видел главное объяснение кризиса культуры XX века, которая разъедается ненавистью и в которой нет любви: «На Востоке оно [искусство] упало потому, что его сшибли и растоптали; на Западе оно упало добровольно, в издуманные претенциозные поиски, где человек пытается не вы-

Щипков Василий Александрович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы. E-mail: vas.ship@mail.ru

явить Божий замысел, но заменить собою Бога» [1, с. 453]. Но причина на Западе и Востоке одна: «забыли – люди – Бога» [1, с. 453].

После того выступления Солженицына прошло более тридцати лет, мир сильно изменился, перестал существовать СССР, а атеизм перестал быть навязчивой угрозой для религиозного сознания.

Более того, сама теория секуляризации была подвергнута сомнению. В середине XX века молодой американский религиовед Питер Бергер пришел к выводу, что модернизация общества всегда и обязательно ведет к секуляризации, будь то общество западное, восточное или азиатское, и очень скоро весь мир станет секулярным в социологическом смысле, то есть религия перестанет в нем присутствовать как явление [3]. Его подход был объявлен на Западе чуть ли не единственно правильным, а сам Бергер стал знаменитым религиоведом. Но в конце XX века и особенно с наступлением 2000-х годов, стало очевидно, что количество верующих в мире не только не сокращается, но растет, а религия в условиях глобального мира играет все более важную роль. Когда Бергеру было уже 70 лет он написал еще одну книгу про секуляризацию [4], в которой сказал, что ошибся и его теория ложная, а мир не становится менее религиозным по мере своего развития. По словам Бергера, секуляризм не универсальное явление, а исторически локальное северо-европейское мировоззрение, которое в настоящее время распространено в отдельных западных странах и среди международной интеллигенции [5].

Единственная важная особенность этой философской системы в том, что на ней построена современная глобальная экономика, система мирового распределения благ, где протестантско-секулярный Запад занимает центральное место. Поэтому перед западной секулярной интеллектуальной элитой возникла задача сделать так, чтобы секулярная философия не исчезла в XXI веке под натиском традиционных религий и других форм религиозности. В результате начинают разрабатываться способы сохранения секуляризма в новой обертке, создаются новые экспериментальные концепции: «постсекулярность» [6; 7, с. 113–119], «плюрализм» секулярного и религиозных мировоззрений [5] и так далее. Слово «секулярный» в современных западных странах, особенно протестантских, по-прежнему звучит положительно даже для верующих людей. Это все еще синоним культуры, просвещенности и прогресса.

Поэтому даже признание современным научным сообществом, что атеизм не победил в XX веке и что религия сохраняет значительную роль в жизни общества и человека, не уменьшило остроту той проблемы, которую озвучил Солженицын в своей Темплтоновской лекции. Он утверждал, что идеалы современной культуры во многом ложны, что «модная терминология» неадекватно отражает окружающую реальность (очевидно, подразумевая западную риторику, пропагандирующую демократические и либеральные ценности). «Бесплодны попытки искать выход из сегодняшнего мирового положения, не возвратя наше сознание раскаянно к Создателю всего: нам не осветится никакой выход, мы его не найдём: слишком бедны те средства, которые мы себе оставили. Надо прежде увидеть весь ужас, сотворённый не кем-то извне, не классовыми или национальными врагами, а внутри каждого из нас, и внутри каждого общества, и даже в свободном и высокоразвитом – особенно, ибо тут-то особенно мы всё это сделали сами, свободною волей. Сами же мы повседневным легкомысленным эгоизмом эту петлю затягиваем» [1, с. 455].

Солженицын, как и многие другие консервативные мыслители второй половины XX века, продолжая традицию «Вех» и «Из-под глыб», лишь ставил неутешительные диагнозы современности и констатировал необходимость возврата к религиозному, христианскому мироощущению, не предпринимая попыток серьезно исследовать происхождение секуляр-

ной идеи[1]. Эта философская задача была для них далеко не первой по актуальности. На первом месте и для веховцев, и для Солженицына, и для христианских кругов в позднесоветской России была борьба с действующими политическими формами нигилизма: с революционной интеллигенцией в начале века, с коммунистической идеологией и государственным атеизмом – в конце. В России XX века секуляризм, а тем более атеизм, были исключительно политическими феноменами, для борьбы с которыми не было необходимости глубоко погружаться в их историософские причины. И возрождение Русской православной церкви было напрямую связано с изменением политического климата в стране.

На Западе ситуация выглядела иначе. Ни одна политическая идеология там не была культурно и исторически «внешней», победив которую, общество преодолело бы свой культурный кризис. Даже влияние советского коммунизма было для западной культуры всегда больше внутренним идеологическим вызовом, чем внешним. То же можно сказать и про секуляризм, который на Западе осознается глубоким основанием его собственной культуры, его неотделимой частью. Поэтому для латинского мира секуляризм является намного более сложным вопросом, чем для советской и постсоветской России: вопросом богословским и только затем политическим. Осознание секуляризма как внутренней философско-богословской проблемы подталкивало в XX веке западных консервативных христианских мыслителей, особенно последователей традиции Фомы Аквинского, искать богословские выходы из секулярного тупика.

Однако вопрос о природе секуляризма становится не менее актуальным и для современной России, в которой исчезли всякие внешние формы борьбы с традиционными религиями, а общество стало частью глобальной либеральной культуры. При этом возникают новые духовные вызовы, которые не стояли так остро в СССР и которые теперь нельзя объяснить просто и локально, указывая на «атеистическое государство» и «коммунистическую идеологию».

II

Уже хорошо известный в России английский богослов Дж. Милбанк, создатель философско-теологического направления «Радикальная ортодоксия», с 1980-х годов работающий над исследованием секуляризма, предложил рассматривать секуляризм как следствие средневековой номиналистской философии. Он дал новый импульс к деконструкции философии номинализма-секуляризма, который мы критически разовьем в настоящей статье.

Одна из возможных трактовок секуляризма – следствие позднесредневековой номиналистской схоластики, в частности трудов францисканцев, а еще конкретнее – шотландского теолога Дунса Скота (XIII век). Он один из вдохновителей номинализма – философии, которая последовательно оторвала смысл всего существующего, всех идей и предметов от их первоначальной божественной задумки, от непосредственной связи с Богом. Номинализм от латинского nomen – «имя» – представил все бытие как знаковую, а не символическую систему.

Этот процесс начался после самонадеянной попытки части схоластов более точно описать божественную природу. Номинализм ограничил понимание Бога только и исключи-

[1] Такие попытки, конечно, делались. Можно вспомнить знаменитые «Мысли перед рассветом» В.Н. Тростникова – книгу, которая привела к вере многих советских людей. Однако поиск максимально точных исторических, философских, теологических причин секуляризации и атеизации общества не был в центре их интереса и духовного поиска. Сама жизнь в атеистическом, антирелигиозном государстве, закрытом от внешнего мира, воспринималась как главная причина, без преодоления которой, другие причины выглядели далекими и мало актуальными.

тельно чистой, абсолютной силой, выше которой нет ничего: никаких принципов, законов, причин. Было сказано, что Бог не подчиняется законам нравственности, которые находятся ниже воли Бога. То есть утверждалось, что Бог не творит, потому что это нравственно, а Его творение нравственно, потому что это Его творение.

Таким образом, было создано объяснение Бога только как «абсолютной силы» (potential absoluta) [8, p. 41], абсолютной власти и господства (dominium) [8, p. 38]. Говорилось, что Бог творит и познает только через волю. Из описания Бога было выведено всякое иное начало, все принципы и нравственность.

Утверждалось, что Бог творит, потому что имеет волю это делать, творит путем воли, а все, что он творит, не соответствует никаким идеальным образцам, нравственности, красоте или задумке. Действие такой совершенной воли не может быть объяснено ничем, кроме свободы и случайности. Поэтому все созданное не может быть нужным создателю, кроме как для того, чтобы это было сделано. Поэтому творение стало пониматься как нечто автономное и не зависимое от Творца. И в то же самое время, Творец перестал быть выше своего творения, оказался с ним на одном уровне.

Вот как описывал творение сам Дунс Скот: в первый момент Бог знает свою сущность в ней самой и абсолютно; во второй момент Бог создает камень, наделяя его умопостигаемым бытием, и познает его; в третий момент Бог сопоставляет Себя с этой умопостигаемой вещью, и тем самым между ними устанавливается некоторое отношение; в четвертый момент Бог каким-то образом размышляет над этим отношением и познает его [9].

Получается, нет никаких причин, по которым происходит творение, потому что для францисканцев это означало бы, что есть некая причина выше Бога. По их мнению, у творения нет цели, которые были бы вне самого этого творения, поскольку Бог творит не зачем-то, а просто потому, что творит, а все тварное является автономным, не связанным с Богом.

Это звучит логично, рассудительно, рационально. Единственное, чего здесь нет, – любви. У номиналистов Бог что-то делает не потому, что любит, а потому что имеет абсолютную волю и господство.

Такое описание творения и познания Богом мира – механистичное, технологичное и холодное, в нем теряются красота и одушевленность. Номиналисты создали холодную вселенную, которая возникает без опоры на нравственность и состоит из множества не связанных друг с другом «номенов», то есть плоских, однозначных имен и названий. Вместо любви, такой мир, земной и небесный, держится божественной волей и властью. Он не оправдан ничем, кроме самого господства.

Зачем было создавать номиналистскую концепцию? Формальной целью, по мнению Милбанка, было противостояние языческому мировоззрению, понимающему божественное как неотвратимую судьбу, несвободу и рок. Номиналисты стремились описать Бога как абсолютную автономную свободу, которая возможна только при наличии абсолютной власти. Однако они сделали так, что по своему духу, по ощущению непреодолимого отчуждения между личностью Творца и личностью человека, этот подход напоминает язычество. Это косвенно объясняет и то, почему позднее Средневековье, в котором победил номинализм, привело к Возрождению – обращению западной культуры к античному языческому опыту.

Была и другая мотивация развивать номинализм в богословии – желание оправдать неограниченную свободу и власть самого человека, который является образом Божиим. Ведь богословские трактовки автоматически переносились на человека, который тоже с этого момента объяснялся как свободный творец, носитель «силы», «власти», «воли», который как автономное создание познает этот мир автономно от Бога и как носитель божественного творческого начала так же свободно творит другие автономные вещи, не связанные сущностно с самим человеком.

Номиналистская теология в итоге привела к серьезным последствиям для всего латинского христианства и мировоззрения западного человека.

1. Ключевое следствие номинализма в том, что творение потеряло всякую содержательную, духовную связь со своим Творцом. Стало невозможным познание Бога через его творение, то есть любое познание Бога было объявлено, по сути, вообще невозможным.

2. Как прямое следствие, богословие было отделено от философии. Философия была объявлена формой познания истины, богословие же отодвинуто на второй план, объявлено областью субъективной веры, которая не может ничего доказать и ничего познать.

3. Вера отделилась от знания. Религия от науки.

4. Собственно была изобретена наука в ее современном понимании. Область религиозного стала отделяться от области научного, субъективное знание от объективного.

5. Номинализм превратил речь и сознание человека из молитвы в математическую формулу, которая состоит из простых однозначных знаков. Где х это всегда х, а у всегда у, и проникнуть в сущность этих понятий-имен (номенов) нельзя, потому что в них нет никакого дополнительного, глубокого смысла, который напоминал бы нам о Создателе и Его любви. Все понятия языка – «добро», «красота», «закон», нравственность», «человек», «жизнь» и так далее – превратились в механические, плоские, математические «иксы» и «игреки», в примитивное, однозначное средство земной коммуникации между людьми. Икона стала картиной, слова потеряли сакральное значение, жизнь человека потеряла религиозную глубину и ощущение вечности, философия посадила человека в мирскую клетку и обрела над ним влияние, не сопоставимое даже с античными философскими школами. Наука стала носителем новой «истины» и оправдывала ею свои деяния. Начались секулярные игры в конструирование общества и человека, в котором не было места христианству.

1. Было создано так называемое политическое пространство [8, p. 34–38] – некая номинальная область, обладающая абстрактными законами, с помощью которых можно якобы описать и регламентировать всю жизнь человека и общества. Эта область расширялась на все сферы жизни, постепенно вытесняя из них религию. Религия сдвигалась, во-первых, во внешнюю сферу социального, в периферию, в темную невидимую область, которая находится где-то над обществом и недоступна для познания. А также во внутреннюю сферу человека: религия объявлялась частным делом и не должна была демонстрироваться в публичной сфере [10, с. 218].

В первом случае религия трактовалась агностически, то есть как некая общая предпосылка всего сущего, но не влияющая на мир (по сути, то же самое, что атеизм). Во втором случае она трактовалась психологически, как некая исключительно субъективная, внутренняя и индивидуальная вера человека – так называемая «вера в душе» или «Бог в душе», то есть что-то личное и персональное, некий темный и неструктурированный религиозный психологизм, залегающий в труднодоступных уголках души, который не имеет отношения к объективному миру и должен скрываться.

Создание социальной сферы поместило религиозность между этими двумя полюсами – агностицизмом и индивидуализированной верой – сделав их нормативными для современного западного человека и, по сути, вытеснив религию из жизни. Область социального стала полным синонимом области секулярного, светского, где религия отделена от науки, вера от разума, а религиозная этика от светской этики.

2. Далее. Номиналистский разрыв связи между Творцом и творением не только сделал Творца непознаваемым для творения, но и поставил их на один уровень, объявил, что божественная сила и силы природы – качественно суть одно и то же только в разных количествах и пропорциях: то есть нет высшего мира и высших сил. Это отменило принцип иерархии. Идеи и предметы перестали определяться как более высокие и более низкие,

более важные и второстепенные. Мир превратился в некое плоское пространство, состоящее из отдельных номинальных идей, вещей, форм, причин, которые сочетаются друг с другом искусственно или случайно, но по сути не связаны. Все в мире стало дискретным, то есть прерывистым и раздробленным, – пространство, время, мышление, самая жизнь. Эта борьба с иерархией в течение многих столетий видна в Реформации, в европейских революциях, в постепенной эмансипации человека и его прирастании к земному миру. Критика иерархии постепенно развилась до идей нигилистической философии Ницше, постмодернизма, регионализма [11] и трансгуманизма [12].

3. Еще одно важное следствие номинализма – изменился взгляд на исторический процесс: само время было подвергнуто разрыву, стало дискретным, в результате чего возник новый тип исторического мышления [13, с. 90–98].

Секулярная культура называет нового человека не только секулярным или светским, но – еще чаще – современным. Идея «современности» (или «модерна») была изобретена еще раньше социального пространства, это произошло уже в эпоху Возрождения. Она предполагает, что история человечества делится на три принципиальных периода: на древнее время, на века промежуточные, которые назвали «средними», то есть неполноценными, и на «современность», которая начинается примерно с XIV–XVI веков и совпадает со временем рождения новой секулярной европейской философии и культуры. При этом современное стало синонимом хорошего, а прошлое и древнее – синонимом плохого. Таким образом, сама хронология стала идеологией, в которой новое всегда лучше старого, а исторический процесс понимается как бесконечная череда революций, задача которых прерывать традицию, отсекать прошлое от современного, освобождать современность для дальнейшего развития к лучшему, ради прогресса.

Идеология современности была изобретена для того, чтобы традиция, которая всегда связана с религией, не мешала управлять обществом. Прерывание традиции стало считаться благом. А смысл истории стал задаваться не ценностями, которые всегда связаны с традицией, то есть с чем-то надисторическим и религиозным, а искусственными утопиями [14, с. 29–44]. Возникло утопическое мышление, которое завораживало людей идеей достичь рая на земле не внутренним преображением, а изменением внешнего порядка вещей – в науке, культуре, социальном устройстве. Когда одна утопия приводила к некой революции в нравах или политике, она отметалась как выполнившая свою миссию, и появлялась другая – более амбициозная и смелая. Смысл истории оказался заключенным в имманентные, посюсторонние рамки земной жизни, стал атеистическим и материалистическим.

Сегодня этот механизм современности, или прогресса, поставлен на производственные рельсы, является обкатанной технологией. С одной стороны, он используется экономикой, которая воспроизводит инновации, то есть веру в то, что новое – хорошо, потому что это новое. С другой стороны, он применяется для смены политических режимов путем цветных революций, распространяя веру в то, что революция сама по себе является благом, потому что это слом старого во имя нового.

4. Номиналистская трактовка богословия в конце концов привела к развитию большого комплекса секулярных идей. С ней тесным образом связаны теория светского государства, антропология гуманизма (где человек объявляется высшей ценностью в космическом масштабе), материализм и агностицизм, теория автономной нравственности (автономное и совершенное устройство внутри человека, не связанное с Богом, окончательно сформулировано Кантом), наконец, постмодернизм, который провозглашает относительность добра и зла и невозможность истины.

5. С богословской точки зрения, первоначальные предпосылки возникновения секуляризма лежат в области человеческого духа и относятся к моменту грехопадения, то есть

к самому началу человеческой истории. Однако как конкретная и окончательно оформленная философская система, ставшая идеологией и влияющая на сегодняшний мир, секуляризм возникает в позднем Средневековье и оформляется у номиналистов, многие из которых были францисканцами. Милбанк прямо называет секуляризм средневековой ересью внутри католичества [15, с. 367], которая исказила христианское учение, открыв дорогу современному западному глобальному миропорядку с его узакониванием греха, циничным рынком и бездушной наукой. С этой точки зрения, секуляризация исторически боролась не против абстрактной религиозности, но конкретно против западного христианства и только затем – против других религий.

При этом христианство не просто вытеснялось, а замещалось другой формой религиозности. Вся секулярная наука и культура, предпринявшие антирелигиозный поход, сами оказались религиозными: они создавали собственные ценности, «богов», образы искусственного рая – утопий. В религиоведении такую неосознаваемую религиозность, принимающую формы секуляризма, атеизма, агностицизма и другие формы «нерелигиозных» религий, стали называть «имплицитной» (термин Эдварда Бейли), скрытой от самого человека. И опять же, по сути, она напоминает языческие формы.

Можно допустить, что если секуляризм рассматривать как отклонение внутри одной из ветвей католичества, то основания этого процесса находятся в логике самого западного христианства, в его внутреннем стремлении к догматическому развитию, ставшему одной из причин Великой Схизмы.

Таким образом, секулярность, светскость – это не нейтральное состояние общества, где нет никакой религии и обязательной иерархии ценностей. На деле одна иерархия была заменена на другую, одна вера стала вытесняться другой. Секулярность и есть форма религиозного мышления, которая утверждалась через другое понимание Бога, человека, общества, истории.

III

Такое понимание секуляризма как теологической ереси в западном христианстве, как особой имплицитной религии многое меняет.

Во-первых, это означает, что разделение на светское и религиозное – это не разделение на что-то общее объективное и нечто частное субъективное. Светскость это не состояние, где нет никакой религии. Светскость ни научно, ни культурно, ни политически не выше религии, но одно из религиозных состояний.

Во-вторых, секуляризация – это процесс вытеснения традиционной религии (главным образом христианства) из жизни общества и замещение ее секулярной религиозностью, то есть это форма межрелигиозного противостояния.

В-третьих, утверждение о том, что некая страна является светским (то есть секулярным) государством, не означает, что она обязательно является нейтральным по отношению ко всем религиям и мировоззрениям. Наоборот, это означает, что ее религия и мировоззрение – это секуляризм, который будет оберегаться и поддерживаться доступными государству средствами через политику, культуру, экономику и науку даже в ущерб другим религиям и мировоззрениям.

Наконец, из этого следует, что сделать голос Церкви понятным для секулярной аудитории означает достучаться до представителей иного религиозного мировоззрения. Если Церковь будет ради этого просто копировать мирские формы и уподобляться им, учиться у них, то ей это никак не поможет, а будет означать скорее отступление от собственных основ ради другой религии. Проповедь в современном секулярном мире похожа на проповедь среди язычников в первые века: ради нее возможно пересказывать Писание

в понятных для людей терминах и примерах, но она исключает богословский компромисс между христианством и светскостью, поскольку это означало бы создание равноправного синтеза двух религий, что недопустимо с христианской богословской точки зрения.

IV

Солженицын в своем выступлении в 1983 году критиковал секуляризм как общемировой вызов, обозначал его как общую для Запада и России проблему. Но при этом оговаривался, что вызванные одной нигилистической идеей процессы протекают по-разному на русской почве и в западной культуре, хотя и не стал дальше развивать эту мысль.

Действительно, секуляризм на Западе и в России решает свои задачи принципиально разными путями. В латинском мире секуляризм сначала вводит изменения на уровне богословской догматики, а затем вызывает мощные культурные и политические последствия. В православном мире наоборот: секуляризм как элемент чужого богословия, как еретическое направление внутри другой религии, не может прямо, непосредственно влиять на православную догматику, которая обладает иным внутренним строением. Секуляризм много столетий действует в православном мире именно политически, влияя на внешние формы жизни нашего общества, и только в конце затрагивает догматику, причем чаще всего поверхностно. Сначала Петр I поверит в эффективность европейского государственного устройства, затем отменит патриаршество. Сначала произойдет политический переворот 1917 года, затем властями будет инициировано обновленчество. Сегодня на константинопольский патриархат и ситуацию на Украине секулярные силы воздействуют точно так же, политически, вследствие чего нарушаются церковные каноны и уходят в раскол те представители церкви, которые поставили политическое выше церковного.

Из такого подхода прямо следует, что преодоление секулярного нигилизма на Западе и в России – это тоже разные пути.

Запад живет в культуре, которая во многом сформирована секулярной догматикой, секуляризм является основой этого здания, его нельзя просто взять и механически вынуть. То, что пытаются делать современные консервативные западные богословы, главным образом томисты (последователи Фомы Аквинского), – доказать, что секуляризм не является родовым признаком западного христианства, что это ересь, отклонение в католичестве. Они хотят разобраться в себе, своем богословии, чтобы вернуть в западную культуру христианские основы. Сама постановка такой задачи является для них смелостью на грани радикальности. Но это их путь, который они проходят.

Для православного мира секуляризм (идеология светскости) тоже является отклонением, но отклонением в том же западном христианстве, а не в православии. Секулярные процессы в России – не производное нашего богословия, а импортируемая часть западной культуры. Это означает, что для исторически православных государств секулярный нигилизм является в большей степени политической надстройкой, чем изменением в области культурно-религиозной традиции.

Литература

1. *Солженицын А.И.* Темплтоновская лекция / А.И. Солженицын // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1: Статьи и речи. 1995.
2. *Щипков В.А.* Пять революций: Современные идеологические подходы к оценке 1917 года // Тетради по консерватизму. 2017. № 2.
3. *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1966. 240 p.
4. *Berger P.* The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Washington, DC: Ethic and Public Policy Center, 1999. 135 p.

5. *Berger P.* Toward a New Paradigm for Modernity and Religion. Patocka Memorial Lecture. Vienna: Wien Museum Atrium. 2016. 28 апреля [Видеозапись, электронный ресурс] // Youtube.com / Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=2kNkr-x6XwI (дата обращения: 31.12.2018).
6. *Хабермас Ю.* Вера и знание / Ю.М. Хабермас // Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
7. *Щипков В.А*. Тетради Русской экспертной школы: научное издание / под ред. В.А. Щипкова. М.: Русская экспертная школа, 2017. № 1.
8. *Milbank J.* Theology & Social Theory: Beyond Secular Reason. Blackwell Publishing Ltd, 2006.
9. *Жильсон Э*. Философия в Средние века. От истоков патристики до конца XIV века [Электронный ресурс] // М.: Республика, 2004 / Режим доступа: www.agnuz.info/app/webroot/library/337/522/index.htm (дата обращения 30.11.2018).
10. *Милбанк Дж.* Надзор за возвышенным: критика социологии религии // Государство религия церковь в россии и за рубежом. 2013. № 3.
11. *Щипков В.А.* Регионализм как идеология глобализма: монография. М.: МГИМО-Университет, 2017. 188 с.
12. *Щипков В.А.* Философские основания и пропагандистские практики идеологии трансгуманизма: коллективная монография / В.А. Щипков, Е.А. Белжеларский, Е.Е. Мамаев; под. ред. В.А. Щипкова. М.: Русская экспертная школа, 2018. 128 с.
13. *Щипков В.А.* Традиция и современность: преодоление современности как преодоление конца времен / В.А. Щипков // Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор: коллективная монография по материалам XIV международных Панаринских чтений / отв. ред. В.Н. Расторгуев. М.: Институт Наследия, 2017.
14. *Щипков В.А.* Похищение традиции и секулярное пастырство (об историческом феномене интеллигенции) // Тетради по консерватизму. 2017. № 4.
15. Via premoderna: метафизико-политический проект Джона Милбанка // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33).

Аннотация. Проблема агрессивного секуляризма в форме борьбы с религией стояла остро на всем протяжении XX века не только в СССР, но и в капиталистических государствах, на что А.И. Солженицын обращал внимание в 1980-х годах. Свою актуальность эта проблема сохраняет и сегодня, несмотря на то, что перестал существовать СССР, а навязываемый атеизм перестал быть открытой угрозой для религиозного сознания. В статье отмечается, что теория секуляризации в настоящее время подвергается религиоведами и социологами пересмотру, при этом предлагаются новые модели исследования секулярной идеи. Автор статьи развивает и комментирует одну из таких моделей, связывающих появление секуляризма с поздней средневековой схоластикой и философией номинализма.

Ключевые слова: секуляризм, номинализм, средневековая теология, преодоление секуляризма.

Vasiliy A. Shchipkov, PhD in Philosophy; Lecturer, Department of the International Journalism, MGIMO University; Director, Russian Expert School. E-mail: vas.ship@mail.ru

Nominalistic Preconditions of Secularism and Its Actual Significance for Russia and the West

Abstract. The problem of aggressive secularism in the form of fight against religion was acute throughout the 20th century, and not only in the Soviet Union, but also in capitalist countries, which drew the attention of A. Solzhenitsyn in the 1980s. This problem remains relevant also today, despite the fact that the USSR collapsed and the atheism ceased to be an open threat to religious consciousness. It is noted in the article that the theory of secularization is being revised by religious scholars and sociologists, while new models for the study of the secularity are proposed. The author of the article develops and comments on one of such models connecting the emergence of secularism with the late medieval scholasticism and the philosophy of nominalism.

Keywords: Secularism, Nominalism, Medieval Theology, Overcoming of Secularism.